

УДК 343.241

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.012-023

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН,

доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kapitan-44@yandex.ru;

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОРНЕЕВ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kornei_lam@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В СТРУКТУРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Для цитирования

Лапшин, В. Ф. Эволюция доктринального определения места уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера в структуре уголовно-правового воздействия / В. Ф. Лапшин, С. А. Корнеев // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 12–23. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.012-023.

Аннотация. Категория «уголовно-правовое воздействие» активно исследуется в отечественной юридической науке на предмет ее соотношения с содержанием категорий «уголовное наказание», «иные меры уголовно-правового характера», «уголовная ответственность». При этом обращается внимание на значимость определения содержания данного правового феномена, однако до настоящего времени не предложены решения, которые получили бы всеобщее научное одобрение. Природа, структура и особенности реализации уголовно-правового воздействия могут рассматриваться только в плоскости соответствующих положений действующего уголовного законодательства при использовании преимущественно сравнительно-правового и системно-структурного методов исследования. В статье поставлена проблема определения разновидностей уголовно-правового воздействия и особенностей их реализации в зависимости от наличия либо отсутствия отдельных юридически значимых признаков. С учетом заявленной проблематики предмет исследования определяется в виде уголовно-правовых норм, закрепляющих лишения и правоограничения, которые применяются к лицам, совершившим запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние. Отдельные исследователи, анализируя юридическую сущность уголовной ответ-

© Лапшин В. Ф., Корнеев С. А., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ственности и иных мер уголовно-правового характера, справедливо указывали на принципиальное различие данных институтов уголовного законодательства. Таким образом, важное место отводится разграничению мер уголовно-правового воздействия на разных этапах развития доктрины уголовного права. Приведенный ретроспективный анализ позволил обозначить законодательные основания указанной дифференциации с обособлением институтов уголовной ответственности, уголовного наказания, иных мер уголовно-правового характера. Применение в процессе исследования совокупности общенаучных и частнонаучных методов позволило сформулировать вывод о том, что уголовно-правовое воздействие реализуется в результате применения мер уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера. Уголовная ответственность реализуется на общих и льготных условиях. Основанием для применения последних является факт позитивного постпреступного поведения, существенно снижающего общественную опасность личности виновного.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, уголовная ответственность, уголовное наказание, иные меры уголовно-правового характера, уголовно-правовое поощрение.

Феномен уголовно-правового воздействия в настоящее время является предметом научных исследований фундаментального значения. В то же время авторам пока не удается сформулировать выводы и решения по данному вопросу, которые получили бы широкую поддержку в уголовно-правовой доктрине ввиду объективной теоретической и практической значимости [2, с. 38; 11, с. 10–11; 22, с. 158, 165]. Природа, структура и особенности реализации данного вида правового воздействия могут рассматриваться только в плоскости соответствующих положений действующего уголовного законодательства при использовании преимущественно сравнительно-правового и системно-структурного методов исследования.

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) содержит лишь дефиницию «уголовное наказание» (ч. 1 ст. 43), хотя некоторые иные нормы Общей части УК РФ указывают на категории, смысловое значение которых явно не соответствует социально-правовой сущности уголовного наказания. Статья 8 УК РФ устанавливает основания для привлечения лица к уголовной ответственности, нормы гл. 11 УК РФ определяют различные виды освобождения от уголовной ответственности. В случаях, когда реализация уголовной ответственности, включая уголовное наказание, не представляется возможной или целесообразной, применяются нормы института иных мер уголовно-правового характера в зависимости от социально-правовых особенностей лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние. Некоторые авторы не обращают должного внимания на необходимость разграничения перечисленных мер, хотя различие сущности целей их применения очевидны [10, с. 8; 16].

Бесспорно, уголовное наказание является главной составляющей системы уголовно-правового воздействия. Подтверждением может служить уже только формальное признание наказуемости одним из обязательных признаков преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Довольно длительный период истории развития уголовного законодательства наказание (в раннем советском уголовном законодательстве оно именовалось мерой социальной защиты) рассматривалось в качестве единственно возможного правового последствия совершения преступления. Принципиально данный подход был изменен с принятием Ос-

нов уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Совершение преступления признавалось основанием для уголовной ответственности и наказания (ст. 3 Основ). Впоследствии данное положение было воспринято и уголовными законами союзных республик, в том числе УК РСФСР (ст. 3), хотя законодательно не определялись ни понятие, ни взаимосвязь (соотношение) с институтом уголовного наказания.

Указанная проблема и в настоящее время не утратила своей актуальности. Рациональным определением сущности уголовной ответственности является высказанное отдельными авторами предположение о необходимости ее признания в качестве принудительно реализуемых в отношении лица, совершившего преступление, лишений и правоограничений, предусмотренных уголовным законом [6, с. 26–27]. Здесь можно наблюдать нахождение в единой юридической плоскости уголовного наказания и уголовной ответственности, которые, будучи однородными понятиями, находятся в соотношении части и целого. Результатом многолетней политики гуманизации уголовного законодательства явилось включение в УК РФ совокупности норм, предусматривающих меры ответственности, применяемые в отношении лица-преступника, но при этом не являющихся элементами предусмотренной ст. 44 УК РФ системы уголовных наказаний.

Единства мнений относительно точного количества видов мер, применение которых обеспечивает реализацию уголовной ответственности, среди исследователей не наблюдается. Анализ представленных в современной уголовно-правовой науке исследований по вопросам сущности уголовной ответственности позволяет сделать вывод о том, что большинство авторов признают в качестве основных форм ее практической реализации уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера, которые включены в объем мер правового воздействия, регламентируемого нормами уголовного закона. Однако некоторые исследователи настаивают на расширительном понимании форм реализации уголовной ответственности. Так, М. Ю. Дворецкий к таким формам, помимо наказания, относит условное осуждение, судимость, отсрочку отбывания наказания и некоторые иные меры уголовно-правового характера [4, с. 92].

С точки зрения В. А. Якушина, специфической, малоисследованной, но самостоятельной формой реализации уголовной ответственности является отсрочка отбывания наказания [26, с. 39, 45]. Сюда же он относит условное осуждение и принудительные меры воспитательного воздействия [26, с. 219–220]. Это мнение находит поддержку на уровне некоторых диссертационных исследований, подготовленных в области обозначенной научной проблематики [10, с. 8].

В. В. Похмелкин предлагает признать обязанности, обеспечиваемые угрозой обращения назначенного наказания к отбытию в рамках условного осуждения и отсрочки отбывания наказания, разновидностью принудительных форм реализации уголовной ответственности [15, с. 176]. Автор также добавляет к перечню способов реализации уголовной ответственности судимость, так как последняя выступает своеобразным остаточным явлением уголовно-правового принуждения, закрепляющим результаты карательно-воспитательного процесса и влекущим за собой дополнительные правоограничения для осужденного. Той же позиции в своем исследовании придерживается А. П. Фильченко, считая, что «судимости соответствуют три формы, в которых реализуется уголовная ответственность» [21, с. 34]. Иного мнения относительно судимости придерживается А. А. Ширшов, подразумевая под ней «инструмент дифференциации уголовной ответственности, который не является ее специфическим элементом» [24, с. 9].

С. Э. Ведмидь к формам реализации уголовной ответственности, помимо наказания, относит условное осуждение, освобождение от наказания, принудительные меры меди-

цинского характера, применяемые к ограниченно вменяемым лицам, принудительные меры воспитательного воздействия, судимость [3, с. 6].

Подобная позиция отстаивается и А. В. Шеслером, который относит к формам реализации исследуемого явления: замену неотбытой части уголовного наказания более тяжким в случае уклонения виновного от его отбывания; меры уголовно-правового принуждения, применяемые вместо уголовного наказания: условное осуждение, условно-досрочное освобождение от наказания, отсрочку отбывания наказания, принудительные меры воспитательного воздействия; меры уголовно-правового принуждения, соединенные с исполнением наказания: принудительные меры медицинского характера, применяемые к ограниченно вменяемым лицам, и освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ), а также в связи с тяжелой болезнью (ч. 2 ст. 81), помимо психического расстройства, указанного в ч. 1 ст. 81 УК РФ [23, с. 120].

На основании приведенных позиций ученых в области уголовного права можно сделать вывод о том, что практически все меры уголовно-правового воздействия в той или иной степени могут быть формами реализации уголовной ответственности. Учитывая данные обстоятельства, можно указать на наличие сформированного мнения о тождественности уголовно-правового воздействия и уголовной ответственности. В основе такого подхода находится, очевидно, объективное восприятие любой меры уголовно-правового воздействия: по своей сущности все они представляют собой предусмотренные нормами уголовного закона лишения и правоограничения, налагаемые на лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние.

Думается, что подобный недифференцированный подход достаточно уязвим для критики. Необходимость терминологического разграничения перечисленных категорий вызвана различными целями и условиями применения той или иной меры уголовно-правового воздействия. В связи с этим на уровне действующего уголовного законодательства выделяются группы лиц, в отношении которых применяются различные меры воздействия: осужденные, невменяемые, социально незрелые, страдающие наркотической или иной зависимостью и т. п.

Учитывая данные обстоятельства, некоторые исследователи при анализе юридической сущности уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера справедливо указывали на принципиальное различие данных институтов уголовного законодательства.

Уже в 1916 г. в связи с существенными нововведениями в области уголовного права, предлагаемыми новейшими проектами уголовных кодексов – швейцарским (1908 г.), германским (1909 г.), правительственным австрийским (1912 г.), датским (1912 г.), сербским (1910 г.), едва ли не самым принципиальным в науке стал вопрос о так называемых мерах социальной защиты, об их сущности и отличительных особенностях, благодаря которым обеспечивается возможность обособления от уголовного наказания.

Термин «меры защиты» уже имел место в источниках советского законодательства. Под ними понимали только предупредительные, отчасти предупредительно-лечебные, а также исправительно-воспитательные, направленные в отношении лиц, совершивших преступное деяние, и имеющие целью оградить общество от повторения ими преступных посягательств. К мерам защиты относили лечебницы для невменяемых преступников, тюрьмы-лечебницы для преступников с уменьшенной вменяемостью, убежища для преступников-алкоголиков, исправительно-воспитательные приюты для малолетних.

Эти меры, равно как и трактовка их содержания, противоречили основному принципу, который был сформулирован Ш. Монтескье и Ч. Беккариа: пропорциональность на-

казания тяжести преступления, измеряемой в общем ценностью субъекта преступного посягательства, важностью причиненного вреда и другими объективными моментами деяния [13, с. 16]. Таким образом, меры защиты были рассчитаны на специальное предупреждение (обезвреживание, элиминацию, исправление и перевоспитание осужденных, их приспособление к социальной жизни, лечение) и мало соответствовали всему этому циклу идей. Род избираемой меры и длительность ее применения должны уже диктоваться не значением преступного деяния и, во всяком случае, меньше всего им, а природой и характером преступника, принадлежностью его к тому или другому классу и достигнутым результатом воздействия на него избранной меры. Вместо классификации преступлений по степени важности и наказаний, соответствующих им по степени тяжести, главное значение приобретает классификация преступников по степени внушаемой ими опасности и по источнику этой опасности. Более того, вместо точно указанной в приговоре меры наказания – неопределенность по сроку меры социальной защиты.

В 1916 г. вопросом разграничения наказания и мер социальной защиты задавался Э. Я. Немировский, определяя истинный характер последних, и решая, есть ли основание для отграничения их от наказания. Автор указывал на необходимость признания следующего факта: новые меры являются не наказанием, а представляют собой самостоятельный, юридически обособленный от него институт [13, с. 17]. Исходя из этого определение юридической природы мер социальной защиты становится серьезным вопросом для доктрины уголовного права. Мнения ученых того времени разделились. Так, Биркмейер, Наглер, Белинг, чувствуя шаткость положения, считали, что данные меры не относятся к уголовному праву, а представляют собой область профилактики, область административного права, тем самым не оставляя им места в уголовном кодексе [13, с. 18].

Отличной позиции придерживался профессор А. А. Жижиленко, который выражал мысль о самостоятельности и особой природе мер социальной защиты [5, с. 72].

Уже в самом начале XX в. А. А. Жижиленко в своем исследовании определяет пять категорий, представляющих собой основания для разграничения мер социальной защиты и наказания: различие по целям; по внешнему выражению; по основанию применения; по его масштабу; по внутреннему содержанию. Отдельное место ученый отводил последним трем категориям по причине их повышенной важности. Меры защиты, по его мнению, применяются ввиду наличия у лица особого психического состояния, а не виновно совершенного деяния. Совершение невменяемым запрещенного уголовным законом деяния служит подтверждением этого состояния и свидетельствует об опасности личности. Меры защиты обращены к будущему преступника, наказание – к прошлому. По мнению А. А. Жижиленко, деяние является не единственным основанием для применения меры превентивного характера. Особое внимание автор обращает на отсутствие в этих мерах элемента оценки или осуждения, замечая, что «из факта назначения меры защиты в конкретном случае мы не можем еще сделать вывод об известной оценке таким путем самого деяния, по поводу которого данная мера принимается» [5, с. 277, 283].

В доктрине уголовного права существовала и иная точка зрения на меры защиты. В частности, наказание и меры защиты преследуют одну цель, определяемую в виде борьбы с преступностью посредством общей и частной превенции. Меры защиты, как и наказание, обеспечивают воздаяние и облекаются в юридическую форму уголовной санкции [13, с. 17]. Данное мнение нам представляется небесспорным. Во-первых, если воздаяние не представлять бессодержательным, а видеть в нем что-то большее, чем

простое следствие известного деяния или известного состояния, если придавать воздаянию нормативный характер, то в лечебно-профилактических мерах нет воздаяния и нет отрицательной оценки личности: они содержат констатирование определенного состояния личности, чуждое отношению к должному и не выражают осуждения ни болезни, ни ее проявлениям в действиях невменяемого, ни ему самому. Во-вторых, идея общего предупреждения не позволяет отнести невменяемых к преступникам, так как правовые веления, запреты и их санкции могут быть адресованы только к тем, кто способен их понять и им следовать, но не к лицам, лишенным способности понимать свойство и значение совершаемого деяния и руководить своими поступками вследствие длительных или преходящих дефектов психики.

Прав был Э. Я. Немировский, предложив разделение наказания и мер защиты на два самостоятельных института уголовного права. Он утверждал, что «сколько бы ни старались те и другие криминалисты придумывать перегородки между двумя институтами уголовного права, на практике эти перегородки рушатся, и эти меры или заменяют наказание, или становятся его продолжением» [13, с. 20]. Под мерами социальной защиты этот ученый понимал меры, не содержащие элемента осуждения, неодобрения, не связанные непременно с совершением преступного деяния и отличные от наказания. Деяние же, совершенное невменяемым лицом, не может являться преступлением, так как оно лишено виновного характера, а лишь сходно с последним своим составом.

Вопросом разграничения мер уголовно-правового воздействия в дореволюционный период занимался и Н. С. Таганцев, который отделял институт наказания, во-первых, от принудительных мер, принимаемых органами государственной власти с целью превенции и пресечения правонарушений; во-вторых, от принудительных мер, принимаемых теми же органами с целью исключения затруднений, возникающих при осуществлении правосудия, в частности, мер, принимаемых судом для осуществления порядка процесса, установленного законом; в-третьих, от мер, выполняющих роль исключительно возмещения материального ущерба, причиненного пострадавшему [18, с. 10]. Ученый классифицировал все меры уголовно-правового характера на две группы: меры, предупреждающие наступление вредных последствий или устраняющие уже наступившие последствия, и меры, принимаемые в отношении «личностей вредных и опасных для общественного порядка» [18, с. 12–13].

Достаточно интересной представляется картина дальнейшего развития институтов наказания и мер социальной защиты в истории российского законодательства. Так, первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. включал в себя раздел под названием «Другие меры социальной защиты», в котором содержались нормы о помещении в учреждение для умственно или морально дефективных; принудительном лечении; воспреещении занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом; удалении из определенной местности. Относительно несовершеннолетних лиц в возрасте от 14 до 16 лет предусматривались меры медико-педагогического воздействия [7, с. 67]. Очевидно, что законодатель таким образом устранил грань между двумя самостоятельными институтами уголовно-правового воздействия, определив наказание и другие меры социальной защиты как основное, единственное и целое средство борьбы с преступностью. Впрочем, подобный законодательный подход был реализован и в УК РСФСР 1926 г.

Несколько иначе вопрос разграничения рассматриваемых институтов было решен в гл. 6 УК РСФСР 1960 г., которая была посвящена регламентации принудительных мер медицинского и воспитательного характера. Такое решение не позволяло приравнять

их к мерам, применение которых осуществлялось в рамках реализации уголовной ответственности.

Исходя из приведенного ретроспективного анализа видно, что институт мер, не связанных с уголовной ответственностью на разных этапах развития, становления, изменения государства претерпевал существенные изменения. Они касались как его содержания, предназначения, закрепления, правовой природы, так и соотношения с институтом наказания.

Действующий российский уголовный закон подобным образом разграничивает наказание и иные меры уголовно-правового характера. Однако данная «формальная дифференциация» уголовно-правового воздействия, а именно содержание этих мер в разных главах, еще не позволяет установить уголовно-правовую самостоятельность и определенность рассматриваемых институтов.

Уголовное наказание, как и уголовная ответственность, в целом применяется только в отношении лица, которое признано виновным в совершении преступления по итогам судебного разбирательства либо признало себя виновным на более ранних стадиях производства по уголовному делу. Применение лишений и правоограничений осуществляется, чтобы преступник осознал опасность своего преступного поведения и, как следствие, не допускал в будущем возможности нарушения уголовно-правовых предписаний. Иные же меры уголовно-правового характера реализуются в отношении лиц, которые в силу психического расстройства (невменяемые) или социальной незрелости (несовершеннолетние) объективно не способны воспринимать общественную опасность и противоправность совершенного деяния. В силу этого иные меры уголовно-правового характера назначаются и принудительно исполняются в связи с совершением общественно опасного деяния, преследуя цель избавления лица от психического расстройства, исключающего вменяемость, либо обеспечить надлежащее воспитание подростка, заключающееся в привитии чувства уважения к истинным социальным ценностям и недопущении их нарушения [9, с. 75]. Исходя из этого отличительными критериями, на основании которых осуществляется разграничение институтов уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера, являются: способность лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, осознавать его общественную опасность и противоправность; цель применения соответствующих мер уголовно-правового воздействия.

В контексте обозначенных нами критериев разграничения уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера необходимо внести определенные уточнения в части форм их реализации. Как уже отмечалось, уголовная ответственность может быть реализована при назначении и применении уголовного наказания, а, по мнению отдельных исследований, еще путем судимости и условного осуждения.

Судимость некоторыми исследователями рассматривается в качестве изжившего себя уголовно-правового института, существование которого вступает в противоречие с предусмотренными ст. 6 и 60 УК РФ принципом справедливости и общими началами назначения наказания. Данный вопрос был предметом разбирательства на уровне Конституционного Суда в 2003 г. Несмотря на признание соответствия положений уголовного законодательства о судимости, Конституции РФ, отдельными судьями были официально высказаны мнения о несправедливости возложения на лицо, отбывшее уголовное наказание в полном объеме, дополнительных лишений и правоограничений, реализуемых при применении института судимости (URL : <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19032003-n>).

Возможность признания судимости составной частью уголовной ответственности обусловлена наличием у них общих юридически значимых признаков, а именно:

- регламентация осуществляется исключительно нормами уголовного закона;
- юридическое содержание сводится к лишениям и правоограничениям, которые применяются к осужденному. Они являются негативными социально-правовыми последствиями совершения деяния, запрещенного уголовным законом;
- реализация осуществляется в течение определенного уголовным законом срока, продолжительность которого установлена обвинительным приговором;
- применение возможно только в отношении лица, не утратившего способность к осуществлению интеллектуальной и волевой деятельности. Наличие этого качества позволяет виновному воспринять и субъективную обязанность претерпеть определенные в УК РФ лишения и правоограничения, возникающую после совершения им преступления.

Если судимость реализуется в рамках уголовной ответственности, включающей в себя лишения и правоограничения, применяемые к лицу, признанному виновным в совершении преступления, то правовая природа условного осуждения до настоящего времени окончательно не определена в науке уголовного права.

Одни ученые указывают на условное осуждение как форму реализации уголовной ответственности или «одно из проявлений ее либерализации» [12, с. 17], другие – принимают попытки отождествления данной меры уголовно-правового характера с уголовным наказанием, так как «она соответствует всем признакам этого института, или относят ее к «специальному виду уголовного наказания без его реального отбывания» [17, с. 10]. В уголовно-правовой литературе высказывается также суждение об условном осуждении как о разновидности освобождения от наказания [25, с. 40].

Условное осуждение было известно уголовному законодательству нашего государства с первых дней Октябрьской революции. Первым законодательным актом, в котором условное осуждение получило свое оформление, был Декрет ВЦИК РСФСР от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде». В ст. 29 Декрета указывалось: «Народные заседатели решают вопрос не только о факте преступления, но и о мере наказания, причем они имеют право уменьшить положенное в законе наказание, по своему убеждению, вплоть до условного или полного освобождения от всякого наказания» [16, с. 4].

На недопустимость отнесения к наказанию условного осуждения неоднократно обращал внимание Верховный Суд РСФСР, считая, что последнее представляет собой освобождение от наказания при определенных условиях, поэтому по своей тяжести условное осуждение не может сравниться с реальными мерами наказания [1, с. 189, 195]. Верховный Суд РФ отдельно указал, что «испытательный срок, устанавливаемый при условном осуждении, не является наказанием» (URL : http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_48847.htm) [16]. Противником отнесения условного осуждения к институту наказания является и Ю. М. Ткачевский, который справедливо обратил внимание на логическое противоречие при отождествлении указанных категорий: при отмене условного осуждения в связи с невыполнением требований, установленных судом, исполнению должна будет подлежать «неисполненная» часть условного осуждения [22, с. 490–491]. В данном случае реализуется принцип соразмерности, справедливости, однако этот факт противоречит ч. 3 ст. 73 УК РФ.

В настоящее время толкование положений ст. 73 УК РФ позволяет предположить, что содержание условного осуждения сводится к особому порядку исполнения отдельных видов уголовных наказаний: исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части и лишение свободы на определенный

срок (здесь – до 8 лет лишения свободы). В этих случаях суд назначает наказание, после чего постановляет считать это наказание условным. Соответственно назначенное по обвинительному приговору наказание не меняется, а его исполнение осуществляется в специфических условиях, определяемых ст. 73 УК РФ.

Лишения и правоограничения, которые возлагаются судом на условно осужденного в период испытательного срока, сравнимы с лишениями и правоограничениями, представляющими собой содержание самостоятельного вида уголовного наказания в виде ограничения свободы. Учитывая данное обстоятельство, отдельные авторы высказывают сомнения в возможности применения условного осуждения в совокупности с ограничением свободы, а также обосновывают необходимость исключения из УК РФ наказания в виде ограничения свободы [8, с. 16].

Думается, условное осуждение не только дублирует содержание ограничения свободы, чем создает неоправданную конкуренцию соответствующих уголовно-правовых норм, но и нарушает принципы построения системы уголовных наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ. Теоретически виды уголовного наказания отличаются друг от друга степенью строгости негативного воздействия на осужденного. Однако системность построения перечисленных в ч. 1 ст. 73 УК РФ видов уголовного наказания относительно друг друга нивелируется, поскольку и исправительные работы, и, например, лишение свободы сроком до восьми лет реально не исполняются, так как считаются условными. Период испытательного срока и налагаемые вместо реального исполнения уголовного наказания правоограничения могут быть идентичными или иметь незначительные отличия друг от друга. В силу этого наличие условного осуждения в действующем УК РФ создает условия для нарушения принципа справедливости назначения и исполнения уголовного наказания, а также подрывает основы построения системы уголовных наказаний. Представляется, что исключение возможности назначения наказания условно не приведет к возникновению пробела в уголовном законе, поскольку уже в настоящее время в нем предусмотрена возможность применения ограничения свободы, равно как и менее строгих видов уголовного наказания, не предполагающих изоляцию осужденного от общества. В целом же полагаем, что условное осуждение по причине своей процедурной сущности не может рассматриваться в качестве разновидности реализации уголовной ответственности, поскольку определяемый в обвинительном приговоре вид наказания не отменяется и не заменяется.

Институт иных мер уголовно-правового характера в настоящее время дополнен такими видами, как конфискация имущества и судебный штраф. В отличие от принудительных мер медицинского характера и принудительных мер воспитательного воздействия эти «иные меры» применяются в отношении лиц, совершивших преступления (судебный штраф), а равно признанных виновными в совершении преступления (конфискация имущества). Учитывая данные обстоятельства, конфискация имущества, которая в соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ применяется на основании обвинительного приговора суда, должна признаваться одной из мер реализации уголовной ответственности, а точнее – уголовным наказанием, которым она и являлась до декабря 2003 г.

Судебный штраф, определяемый одновременно и как вид иных мер уголовно-правового характера, и как специфический вид освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.2 УК РФ), кроме карательного элемента включает в свое содержание уголовно-правовое поощрение. По этой причине он не может быть признан ни разновидностью уголовной ответственности, ни иной мерой уголовно-правового характера.

Действующий уголовный закон, регламентируя уголовно-правовое воздействие на лиц, совершивших общественно опасное деяние, включает в себя ряд поощрительных норм, которые определяют основание и порядок освобождения от уголовного наказания [19, с. 267–425]. Таковыми следует признать меры, реализуемые в отношении лица, совершившего преступление, объем лишений и правоограничений которых существенно сокращен по причине установления факта позитивного постпреступного поведения лица. Речь может идти о мерах, применение которых охватывается содержанием института освобождения от наказания: условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ), замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ) и т. п. Эти меры также включаются в объем уголовной ответственности, однако характеризуются сочетанием карательного и поощрительного воздействия на осужденного.

Данная позиция подтверждается результатом анкетирования осужденных ФКУ ИК-6 УФСИН России по Смоленской области. Так, 85 % опрошенных (общее количество анкетизируемых составило 1096 лиц) считают, что их поведение вне исправительного учреждения (при получении права на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, при установлении административного надзора и т. д.) будет правопослушным только исходя из того, что, нарушив установленные судом требования и условия, они вновь окажутся в изоляции от общества, 10 % – уверены в этом на 90 % и 5 % – считают это утверждение верным на 95 %.

Как при реализации уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера, так и в случае уголовно-правового воздействия, предусмотренного поощрительными уголовно-правовыми нормами, к лицу, совершившему уголовно наказуемое деяние, применяются лишения и правоограничения. Однако отличительной особенностью видов выделенной нами группы является существенное смягчение уголовно-правового воздействия, которое применяется к преступнику. Эти меры включаются в общий объем содержания уголовной ответственности, но уменьшение степени карательного воздаяния вызвано фактом совершения преступником действий, существенно снижающих общественную опасность его личности.

Сущность уголовно-правовых мер в данном случае не меняется и представляет собой те же самые лишения и правоограничения, применяемые в соответствии с действующим законодательством к лицу, признанному виновным в совершении преступления. В силу этого выделение данных мер из общего объема уголовной ответственности в самостоятельную группу уголовно-правового воздействия недопустимо. В то же время возможность их реализации на специальных условиях снижения общественной опасности личности свидетельствует о необходимости разграничения с мерами уголовной ответственности, применяемыми на общих основаниях. Следовательно, лишения и правоограничения, составляющие сущность уголовной ответственности, реализуются путем принуждения осужденного к выполнению различных обязанностей в течение срока:

- неотбытой части наказания при условно-досрочном освобождении (ч. 1 и 2 ст. 79 УК РФ);
- исполнения более мягкого вида наказания, назначенного путем замены первоначально определенной в обвинительном приговоре меры государственного принуждения (ч. 1 ст. 80);
- исчисляемого до достижения ребенком 14-летнего возраста (ч. 1 ст. 82);
- необходимого для добровольного прохождения курса лечения от наркомании, медицинской и (или) социальной реабилитации (ч. 1 ст. 82.1 УК РФ).

Учитывая данные обстоятельства, судебный штраф, официально признаваемый в настоящее время одной из иных мер уголовно-правового характера, в действительности следует отнести к группе мер уголовной ответственности, которые назначаются и реализуются в соответствии с поощрительными уголовно-правовыми нормами.

Таким образом, уголовно-правовое воздействие обеспечивается применением мер уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера. В свою очередь, уголовная ответственность реализуется на общих и льготных условиях: в первом случае – путем применения уголовного наказания и судимости, тогда как условное осуждение лица, совершившего преступление, не может признаваться самостоятельной мерой уголовной ответственности, равно как и уголовно-правового воздействия в целом; во втором – при реализации в отношении лица, совершившего преступление, лишений и правоограничений, представляющих собой сущность отдельных видов освобождения от уголовного наказания. К этой группе мер следует отнести и судебный штраф, поскольку ему присущи все юридически значимые признаки института освобождения от уголовного наказания.

Основанием для применения мер государственного принуждения, предусмотренных поощрительными нормами отечественного уголовного законодательства, является факт позитивного постпреступного поведения, существенно снижающего общественную опасность личности виновного.

Библиографический список

1. Агзамов И. М. Условное неприменение наказания в уголовном праве России : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. 440 с.
2. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие в «обществе постмодерна» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3. С. 38–46.
3. Ведмидь С. Э. Проблемы реализации уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 17 с.
4. Дворецкий М. Ю. Уголовная ответственность: эффективная реализация форм и их видов // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 90–95.
5. Жижиленко А. А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг. : Типография «Правда», 1914. 684 с.
6. Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / отв. ред. А. А. Пионтковский. М. : Наука, 1974. 232 с.
7. Корнеев С. А. Меры уголовно-правового воздействия, не связанные с уголовной ответственностью // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3. С. 64–72.
8. Лаптев С. А. Условное осуждение или ограничение свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 1. С. 12–18.
9. Лапшин В. Ф. Природа иных мер уголовно-правового характера и конфискации имущества // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2007. № 1. С. 74–75.
10. Лесниченко И. П. Уголовная ответственность: понятие и проблемы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. 26 с.
11. Лопашенко Н. А. Уголовно-правовое воздействие в современной России: цифры, факты, парадоксы и иллюстрации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. ст. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 29–30 марта 2018 г.). Саратов : Сарат. гос. юрид. акад., 2018. С. 9–28.

-
12. Маликов Б. З. Условное осуждение – форма условного наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 2. С. 14–18.
 13. Немировский Э. Я. Меры социальной защиты и наказание в связи с сущностью вины. Пг. : Сенатская типография, 1916. 50 с.
 14. Пичугин С. А. Рецидив преступлений среди условно осужденных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
 15. Похмелкин В. В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 176 с.
 16. Савин Н. Ф., Ефимов М. А. Условное осуждение и условно-досрочное освобождение от наказания. М. : Госюриздат, 1963. 32 с.
 17. Суховеев А. С. Институт условного осуждения в Российской Федерации: тенденции и прогноз развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. 30 с.
 18. Таганцев Н. С. Русское уголовное право : в 2 т. Тула : Автограф, 2001. Т. 2. 688 с.
 19. Тарханов И. А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве (вопросы теории, нормотворчества и правоприменения) : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002. 458 с.
 20. Ткачевский Ю. М. Избранные труды. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2010. 597 с.
 21. Фильченко А. П. Реализация уголовной ответственности: проблемы отраслевого и межотраслевого согласования/рассогласования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2014. 44 с.
 22. Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: сущность и содержание // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 158–165.
 23. Шеслер А. В. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3. С. 116–121.
 24. Ширшов А. А. Уголовная ответственность: проблемы понятия и дифференциации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 30 с.
 25. Яковлева Л. В. Институт освобождения от наказания в российском праве : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2002. 196 с.
 26. Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия : монография. Тольятти : Изд-во Волж. ун-та им. В. Н. Татищева, 2018. 337 с.